

В. В. СТАСОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ**

1

СЕРБОСЛОВЕНСКОЕ

В. В. Стасов. Избранные сочинения в трех томах Том первый. Живопись. Скульптура. Музыка Редколлегия: Е. Д. Стасова, С. К. Исаков, М. В. Доброклонский, А. Н. Дмитриев, Е. В. Астафьев // Государственное издательство "Искусство", Москва, 1952
FB2: "rvvg ", 27 November 2013, version 1.0
UUID: 41A4870C-DB08-44BA-ACA4-17A28DAC1D55
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Васильевич Стасов

**Заметка на статью П. И.
Чайковского**
(Музыкальная критика)

историк искусства и литературы, музыкальный и художественный критик и археолог.

Содержание

#1	0005
Комментарии	0012

В. В. Стасов
Заметка на статью П. И.
Чайковского

Москва нас предупредила. Московская печать высказалась раньше нашей в деле, которое в особенности касается нас, петербуржцев, и, по всей справедливости, должно считаться нашим общим делом. В «Современной летописи» напечатана на днях следующая, чрезвычайно важная заметка:

«Случалось прежде, что молодой человек, полный любви к правде и энергии, с самыми розовыми надеждами вступал на поприще, которое считал наиболее подходящим к своим способностям. Дарования его признавались, достоинства его оценивались; он начинал уже, как говорится, делать карьеру, но вдруг каприз начальника разом разрушал терпеливо и честно завоеванное положение, и оскорбленная жертва начальнического произвола погибала в пучине праздности, в кабаке, в больнице. Нечто подобное тому случилось на днях в столичном городе С.-Петербурге, и на каком же поприще? На мирном поприще искусства, где, казалось бы, большая или меньшая степень успеха должна единственно зависеть от большей или меньшей степени таланта. Несколько лет тому назад

явился в Петербург искать соответствующего своему таланту положения в музыкальном мире М. А. Балакирев. Этот артист очень скоро приобрел себе почетную известность как пианист и композитор. Полный самой чистой и бескорыстной любви к родному искусству, М. А. Балакирев заявил себя в высшей степени энергическим деятелем на поприще собственно русской музыки. Указывая на Глинку, как на великий образец чисто русского художника, М. А. Балакирев проводил своею артистическою деятельностью ту мысль, что русский народ, богато одаренный к музыке, должен внести свою лепту в общую сокровищницу искусства. Мы не станем распространяться о том, что сделал этот превосходный музыкант для русского искусства: заслуги его всеми любящими музыку давно оценены по достоинству; но не излишне будет указать на некоторые из них, дабы петербургская публика могла понять, чего она лишается, утратив столь замечательного артиста, как незаменимо полезного члена Русского музыкального общества. Не касаясь того значения, которое Балакирев имеет как прекрас-

ный композитор, упомянем лишь о следующих фактах. М. А. Балакирев собрал и издал превосходный сборник русских народных песен, открыв нам в этих песнях богатейший материал для будущей русской музыки. Он познакомил публику с великими произведениями Берлиоза. Он развил и образовал несколько весьма талантливых русских музыкантов, из коих, как самый крупный талант, назовем Н. А. Римского-Корсакова. Он, наконец, дал возможность иностранцам убедиться в том, что существуют русская музыка и русские композиторы, поставив в одном из музыкальнейших городов Западной Европы, в Праге, бессмертную оперу Глинки „Руслан и Людмила“. Отдавая справедливость столь блестящим дарованиям и столь полезным заслугам, просвещенная дирекция Петербургского музыкального общества два года тому назад пригласила г. Балакирева в капельмейстеры ежегодных десяти концертов Общества. Выбор дирекции оправдался полнейшим успехом. Замечательно интересно составленные программы этих концертов, программы, где уделялось иногда местечко и для

русских сочинений, отличное оркестровое исполнение и хорошо обученный хор привлекали в собрания Музыкального общества многочисленную публику, восторженно заявлявшую свою симпатию к неумолимо-деятельному русскому капельмейстеру. Не далее, как в последнем концерте (26 апреля), г. Балакирев, как пишут, был предметом бесконечных шумных оваций со стороны публики и музыкантов. Но каково было удивление этой публики, когда она вскоре узнала, что вышеупомянутая просвещенная дирекция почему-то находит деятельность г. Балакирева совершенно бесполезною, даже вредною и что в капельмейстеры приглашен некто, еще не запятанный запрещенною нашими просветителями склонностью к национальной музыке. Не знаем, как ответит петербургская публика на столь бесцеремонное с нею обхождение, но было бы очень грустно, если б изгнание из высшего музыкального учреждения человека, составлявшего его украшение, не вызвало протеста со стороны русских музыкантов? Берем на себя смелость утверждать, что наш скромный голос есть в настоящем

случае выразитель общего всем русским музыкантам весьма тяжелого чувства, и скажем в заключение, что М. А. Балакирев вовсе не находится в положении тех оскорбленных и обиженных, о которых мы говорили в начале нашей статейки. Чем менее этот артист найдет поощрения в тех сферах, откуда обрушился на него декрет об остракизме, тем с большим сочувствием отнесется к нему публика, а эта деспотка стоит того, чтобы справляться с ее мнением, ибо в борьбе с враждебными облюбленному художнику силами она останется победительницей. Г-н Балакирев может теперь сказать то, что изрек отец русской словесности, когда получил известие об изгнании его из Академии наук: „Академию можно отставить от Ломоносова, — сказал гениальный труженик, — но Ломоносова от Академии отставить нельзя“.

Эту заметку написал г. Чайковский, один из даровитых наших композиторов и профессоров Московской консерватории. Да, Москва нас предупредила в передаче публике того печального события, которое на днях совершилось среди нас; но она не превзойдет нас в

чувстве негодования и в сознании оскорбления, нанесенного нам теперь. Люди, которые не способны ценить художников истинно талантливых, по безотчетному капризу распоряжаются вдруг и участью этих художников, и всем нашим русским музыкальным делом! Что им за надобность, что они в своем непонимании портят дело важное, полное серьезного значения и будущности, — им-то что за дело? Они принадлежат к немецкой, лжеклассической музыкальной партии, и, кроме ее мелких, тощих интересов, они более ни о чем и не думают. И вот немецкая музыкальная партия у нас торжествует; русская, с Балакиревым во главе, унижена, отвергнута. Какое торжество! Не правда ли, собственно для этого и заведено у нас было Русское музыкальное общество? Ведь имя тут — только так, для вывески? Да, покуда это общество не имело никакого характера, никакой самостоятельности, пока оно держалось в пределах совершенной бесцветности, пока оно исполняло произведения целой тучи всяких бездарных композиторов, все было хорошо, никто и не пикнул. Но только появился человек, та-

лантливый, энергический, глубоко уважающий и знающий все талантливое в музыке, но стремящийся выдвинуть вперед и русскую талантливую школу, — раздались упреки, жалобы со стороны всего, что только есть самого отсталого и темного в нашем музыкальном мире, и вот Балакирев пал жертвою немецкой рутины и незнания. Каких только бездарностей не выдвинули против него, чтоб замечать его или ратовать против него в печати. Ни талант, ни звание, ни самые горячие, чудесные стремления — ничто не помогает. Но авось когда-нибудь и на немецкую музыкальную партию придет управа.

1869 г.

Комментарии

Общие замечания

Все статьи и исследования, написанные Стасовым до 1886 года включительно, даются по его единственному прижизненному «Собранию сочинений» (три тома, 1894, СПб., и четвертый дополнительный том, 1906, СПб.). Работы, опубликованные в период с 1887 по 1906 год, воспроизводятся с последних прижизненных изданий (брошюры, книги) или с первого (газеты, журналы), если оно является единственным. В комментариях к каждой статье указывается, где и когда она была впервые опубликована. Если текст дается с другого издания, сделаны соответствующие оговорки.

Отклонения от точной передачи текста с избранного для публикации прижизненного стасовского издания допущены лишь в целях исправления явных опечаток.

В тех случаях, когда в стасовском тексте при цитировании писем, дневников и прочих материалов, принадлежащих разным лицам, обнаруживалось расхождение с подлинни-

ком, то вне зависимости от причин этого (напр., неразборчивость почерка автора цитируемого документа или цитирование стихотворения на память) изменений в текст Стасова не вносилось и в комментариях эти случаи не оговариваются. Унификация различного рода подстрочных примечаний от имени Стасова и редакций его прижизненного «Собрания сочинений» 1894 года и дополнительного IV тома 1906 года осуществлялась на основе следующих принципов:

а) Примечания, данные в прижизненном издании «Собрания сочинений» Стасова с пометкой «В. С.» («Владимир Стасов»), воспроизводятся с таким же обозначением.

б) Из примечаний, данных в «Собрании сочинений» с пометкой «Ред.» («Редакция») и вообще без всяких указаний, выведены и поставлены под знак «В. С.» те, которые идут от первого лица и явно принадлежат Стасову.

в) Все остальные примечания сочтены принадлежащими редакциям изданий 1894 и 1906 годов и даются без каких-либо оговорок.

г) В том случае, когда в прижизненном издании в подстрочном примечании за подпи-

сью «В. С.» расшифровываются имена и фамилии, отмеченные в основном тексте инициалами, эта расшифровка включается в основной текст в прямых скобках. В остальных случаях расшифровка остается в подстрочнике и дается с пометкой «В. С.», т. е. как в издании, принятом за основу, или без всякой пометки, что означает принадлежность ее редакции прижизненного издания.

д) Никаких примечаний от редакции нашего издания (издательства «Искусство») в подстрочнике к тексту Стасова не дается.

В комментариях, в целях унификации ссылок на источники, приняты следующие обозначения:

а) Указания на соответствующий том «Собрания сочинений» Стасова 1894 года даются обозначением — «Собр. соч.», с указанием тома римской цифрой (по типу: «Собр. соч.», т. I).

б) Указание на соответствующий том нашего издания дается арабской цифрой (по типу: «см. т. 1»)

в) Для указаний на источники, наиболее часто упоминаемые, приняты следующие

условные обозначения:

И. Н. Крамской. Письма, т. II, Изогиз, 1937 — «I»

И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. I, «Искусство», 1948 — «II»

И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. II, «Искусство», 1949 — «III»

И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. III, «Искусство», 1950 — «IV»

Указание на страницы данных изданий дается арабской цифрой по типу: «I, 14».

Заметка на статью П. И. Чайковского

Впервые опубликована в 1869 году («С.-Петербургские ведомости», 14 мая, № 131).

В 1869 году М. А. Балакирев был отстранен от руководства симфоническим оркестром Русского музыкального общества и, несмотря на свои огромнейшие заслуги в развитии концертно-художественной деятельности общества, реакционно настроенной дирекцией все же заменен Зейфрицем, человеком, лишенным какого бы то ни было музыкального дарования, абсолютно не понимавшим высо-

кого значения русской музыки.

Первым откликнулся на этот факт П. И. Чайковский, высоко ценивший М. А. Балакирева как музыканта и общественного деятеля, как дирижера и как глубоко вдумчивого педагога. Свою гневную заметку П. И. Чайковский поместил в газете «Современная летопись» 4 мая 1869 года.

В. В. Стасов оценил благородство поступка П. И. Чайковского и вслед за ним выступил с своей заметкой, в которой полностью еще раз привел всю статью Чайковского.

Случай с увольнением М. А. Балакирева — грубое отрицание его прогрессивной роли в истории русской культуры — был одним из тех моральных ударов, которые привели его в конце концов к тяжелому душевному кризису 1874–1881 гг.

Борьба дирекции Русского музыкального общества против М. А. Балакирева по своей сути была проявлением более глубокой борьбы реакционного и прогрессивного направлений в развитии русской музыкальной культуры.

Как известно, во главе Русского музыкаль-

ного общества находилась его «высокая покровительница» великая княгиня Елена Павловна — великодержавная «особа», по выражению П. И. Чайковского, под давлением которой М. А. Балакирев был удален от руководства оркестром.

Приводимые ниже письма, которыми обменялись тогда М. А. Балакирев и П. И. Чайковский, в известной мере раскрывают ситуацию, сложившуюся в то время вокруг М. А. Балакирева.

Чайковский 3 мая 1869 года, накануне появления в печати своей статьи, отправил Балакиреву письмо, в котором писал: «Известие о том, что с Вами сделали, возмутило меня и [Н. Г.] Рубинштейна до последней степени; я даже решился печатно высказаться об этом необыкновенно подлом поступке, и прошу Вас непременно прочесть в завтрашнем номере „Современной летописи“ мою статейку довольно ругательного свойства. Меня особенно радует то, что эта особа [вел. кн. Елена Павловна] приезжает в Москву в день выхода газеты с моей статейкой... Юргенсон поручает мне справиться у Вас, когда будет готов „Сад-

ко“. Кланяйтесь, пожалуйста, крепко его автору и остальным членам Вашего яacobинского кружка».

8 мая Балакирев ответил Чайковскому: «Статейку Вашу в „Современной летописи“ я прочел еще прежде Вашего письма, вся компания наша (как Вы называете, „Яacobинский клуб“) шлет Вам большое спасибо... Теперь хлопотать о моем возвращении в Русское музыкальное общество уж поздно. Дело зашло слишком далеко, и удержите Рубинштейна, чтобы он по этому делу воздержался от всяких препирательств с высокой покровительницей или, лучше сказать, управительницей. Иначе он легко может повредить себе, а себя он обязан беречь ради дела... Что же касается до русских сочинений, то не унывайте. Если пожелаете что-нибудь, чтобы было исполнено Ваше, то присылайте мне. У меня, кроме концертов Бесплатной школы, еще будут концерты Славянского комитета, и я всегда найду возможность исполнять русские произведения, хоть, например, в своем концерте».

А. Н. Дмитриев